

ков СМИ, так и сейчас общественность не остается без существенного отклика со стороны преступного мира. Вместе с тем, как в уголовной среде происходит совершенствование аппарата, создаются новые специализации (кибер-преступность), общество переживает новые этапы криминализации, а в особенности, наиболее динамичная его часть – молодежь. И хотя сейчас некоторые элементы уголовной среды (например, татуировки) в смягченной форме принимаются обществом и являются частями и иных субкультур, стереотип причастности их носителя к «уголовникам» сохранился в сознании большинства граждан до сих пор. Определенную опасность представляет и подростковая «ауе-субкультура» – своеобразная игра в представителей преступности через использование характерной атрибутики с целью повышения авторитета в среде сверстников, формирующая у несовершеннолетних деформированное мировоззрение и правосознание.

В этом и заключается главная опасность криминальной субкультуры – воздействуя на наиболее «незащищенные» слои общества, она впоследствии находит свое проявление в такой тяжелой социальной «болезни», как преступность, и в связанных с ней других девиациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. - Л., 1988. Т.3. - С.531.
2. Чехов А.П. Остров Сахалин. - М., 1985. - С. 45.
3. Солженицын А.И. В круге первом. - М., 1991. - С. 145.
4. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М., 1990. - С. 304.
5. Алферов Ю.А. Личность преступников в ИТУ. Практикум. – Домодедово: РИПК МВД РФ, 1992. Ч.2. - С.92.
6. Криминалистика: Краткая энциклопедия. - М., 1993. - С. 67.
7. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычаи, язык, татуировки. Энциклопедия. – Донецк: Сталкер, 1997. - С. 73.
8. Раззаков Ф.А. Бандиты времен социализма. Хроника Российской преступности. - М., «ЭКМО» 1997. - С. 528.
9. Алферов Ю.А. Адаптированные методы изучения человека в условиях ИТУ. Учебное пособие. - М.: МЦ при ГУК МВД РФ, 1996. – С. 192.
10. Покаместов А.В. Организаторы преступных формирований и преступной деятельности: криминологические и уголовно-правовые проблемы//Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. - М., 2001. - С. 342.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. Е. Уколова,
студентка ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
anna.ukolova@mail.ru
Научный руководитель:
Е. А. Хабарова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Мера пресечения в виде домашнего ареста нашла свое применение на практике в российском правовом пространстве достаточно давно – с 2002 года. Уголовно – процессуальный кодекс вполне конкретно описывает ее сущность, а также оговаривает возможность наложения различного рода запретов, которые могут быть исполнены в отношении обвиняемых (подозреваемых) как по отдельности, так и в совокупности.

Далее мы более детально оговорим основные запреты и ограничения, а также уделим внимание ключевым проблемам, возникающим при их практической реализации.

Данная мера пресечения достаточно популярна и зачастую используется правоприменителями. В соответствие со статистическими данными ФСИН России, количество лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, с каждым годом растет. Так, в 2015 году эта цифра составила 4215 человек, 2016 – 5642 человека; 2017 – 6753 человека [11]. Согласно обобщению практики применения районными (городски-

ми) судами Тюменской области меры пресечения в виде домашнего ареста, за 2017 год процент рассмотренных ходатайств об избрании данной меры увеличился на 27 показателей по сравнению с 2016 годом [6]. Однако несмотря на широкое практическое применение, в законодательстве на сегодняшний день прослеживается большое количество пробелов в данной области, а именно:

- наблюдается недостаток законодательно закрепленных полномочий сотрудников уголовно-исполнительной инспекции в части контроля за подозреваемыми и обвиняемыми во время домашнего ареста; (как указывает И.П. Пилюшин, только одно из предоставленных полномочий позволяет фактически проверить исполнение домашнего ареста – посещение подследственного по месту ареста не реже 2 раз в неделю [8; 18] (при этом исключается возможность проверки в ночное время). Остальные же полномочия, на наш взгляд, не позволяют сотруднику качественно и эффективно осуществлять контроль за исполнением ареста, и фактически состоят в оформлении документации).

- не урегулирован порядок контроля за использованием обвиняемым сетей связи и сети «Интернет»;
- нет четкой регламентации отслеживания встреч обвиняемого с лицами, с которыми это запрещено по решению суда;

- отсутствует порядок материального обеспечения арестованного (продуктами питания, лекарствами) в ситуации, когда судом принимается решение о полной изоляции обвиняемого (подозреваемого) и отсутствии родственников;

- не урегулирован вопрос, связанный с возможностью осуществления трудовой деятельности.

Перечисленные выше пробелы не исчерпываются данным перечнем, более того, при рассмотрении и разрешении дел, связанных с применением домашнего ареста, нередко происходят нарушения норм УПК РФ. Одной из грубейших ошибок является наложение на подозреваемого (обвиняемого) ограничений, не предусмотренных 107 статьей УПК РФ. Так, например, апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 24 августа 2018 г. по делу № 22-5464/2018 на обвиняемого было наложено ограничение в виде запрета на «посещение увеселительных заведений» [1], в то время как данное ограничение не предусмотрено статьей 107 УПК РФ, по смысловой нагрузке оно больше похоже на наказание в виде ограничения свободы, предусмотренное ст. 53 УК РФ. С точки зрения здравого смысла, наложение данного ограничения видится весьма логичным, однако его применение противоречит действующему законодательству, а значит нарушает права обвиняемого. В связи с этим интересным представляется мнение В.В. Климова, он считает, что домашний арест – одна из наиболее гибких мер пресечения, и ее применение должно позволять правоприменителю, минимально ограничивая в правах обвиняемого (подозреваемого), обеспечить выполнение им установленных ограничений и максимально достигнуть целей меры пресечения [4; 45]. На наш взгляд, при формулировке 107 статьи УПК РФ, законодатель не учел факт уникальности каждого конкретного дела. Видеться целесообразным дополнить данную статью «иными запретами» - сделать этот перечень открытым и дать возможность суду решать вопрос о применении тех или иных запретов и ограничений применительно к каждому делу, учитывая при этом наличие особых обстоятельств и личность обвиняемого (подозреваемого) – это будет способствовать индивидуализации и персонализации домашнего ареста, а значит сделает его применение более действенным и результативным.

Как уже отмечалось выше, не урегулирован порядок контроля за использованием обвиняемым (подозреваемым) сетей связи и сети «Интернет». Мы считаем, что на сегодняшний день это один из наиболее проблемных аспектов пробельности права, поскольку исходя из достигнутого уровня технического прогресса, для осуществления преступных замыслов лицу нет необходимости выходить за пределы своего жилого помещения, фактически находясь дома и используя сеть «Интернет» обвиняемый (подозреваемый) может совершать абсолютно любые действия: начиная от посещения развлекательных сайтов и общения с родственниками до занятия преступной деятельностью и угроз свидетелям или иным лицам по данному делу.

Следовательно, возможность использования сети «Интернет» обвиняемым (подозреваемым) и отсутствие четкого контроля за этим процессом со стороны органов власти делает бессмысленной саму меру пресечения в виде домашнего ареста. Однако, УПК РФ оговаривает возможность использования аудиовизуальных, элек-

тронных и иных технических средств контроля за обвиняемым (подозреваемым), по нашему мнению, это может стать хорошим способом решения указанной проблемы. Важно упомянуть, что по официальным данным, содержащимся в Докладе о результатах и основных направлениях деятельности ФСИН на 2015-2017 годы [3], по состоянию на 01.01.2015 под электронным контролем находилось 2,2 тысячи человек, в отношении которых избрано мера пресечения в виде домашнего ареста. При помощи системы электронного мониторинга подконтрольных лиц выявлено 4858 факта нарушений условий исполнения данной меры пресечения – что свидетельствует о достаточно эффективном уровне применения подобных устройств.

Несмотря на это, на практике возникает ряд трудностей при использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля. Большое внимание данной проблеме уделяет Г.Н. Куракина, она выделяет следующие негативные обстоятельства, усложняющие использование технических средств контроля:

1) невозможность установления некоторых видов средств контроля по месту исполнения домашнего ареста из-за технической и иной характеристики помещения;

2) недостаточная компетенция сотрудников УИИ в вопросах установки и эксплуатации электронных средств контроля;

3) недостаточное количество средств слежения [5; 174].

Это связано, в первую очередь, с обеспечением соответствующих инспекций материально – технической базой для применения технических средств, которые имеют высокую стоимость. Также проблемным видится привлечение специалистов, которые смогут справиться с задачами по установке, активации, обеспечению надлежащей эксплуатации и ремонта технических средств контроля. Нельзя забывать о необходимости получения письменного согласия лица, являющегося собственником жилого помещения, в котором должен быть реализован домашний арест, что зачастую является сложным. Помимо этого, возможен вариант исполнения домашнего ареста в медицинском учреждении (в случае, если по состоянию здоровья обвиняемого (подозреваемого) исполнение исследуемой меры пресечения невозможно в традиционном варианте) - тогда применение аудиовизуальных средств контроля в лечебных палатах может затронуть интересы других пациентов или же вовсе нарушить лечебно – оздоровительный режим.

Вообще основным электронным средством контроля является электронный браслет, представляющий собой радиопередатчик с автономным питанием, который крепится на лодыжке подконтрольного лица [7, 52]. Тем не менее, как показывает практика, зачастую использование только электронных браслетов является неэффективной мерой – имеются случаи несанкционированного снятия браслетов, их умышленного повреждения, а также непреднамеренной утраты приборов. Так решением Майкопского городского суда № 2-271/2016-2-271/2016(2-5281/2015;) от 12 января 2016 г. по делу № 2-271/2016 было удовлетворено исковое заявление УФ-СИН России по Республике Адыгея к гражданину Веселкову о возмещении ущерба. По материалам дела, Веселковым Е.С. было утеряно мобильное контрольное устройство по причине «проявленной им личной неосмотрительности и невнимательности», при этом ответчик был предупрежден о стоимости устройств и ответственности за их утерю [10].

Примером несанкционированного снятия устройств слежения может служить постановление № 5-44/2016 от 17 июня 2016 г. по делу № 5-44/2016 Каменского городского суда. В данном случае к административной ответственности был привлечен Филатов Е.А., который находясь под домашним арестом, «ножницами разрезал установленный у него на ноге электронный браслет и ушел из дома». В суде пояснил, что ему было известно об ответственности за повреждение электронного браслета [9]. В связи с этим представляется эффективным использование электронных браслетов в совокупности с другими средствами аудиовизуального контроля, а также их дополнительное оснащение техническими устройствами (заглушками), ограничивающими поступление спутникового сигнала и сигнала Wi-fi для использования сети «Интернет» в жилом помещении обвиняемого (подозреваемого).

Важно учитывать, что установление подобных средств контроля может затронуть права лиц, проживающих совместно с обвиняемым (подозреваемым), следовательно, нужно предоставить им право обжалования

подобных решений. Здесь же было бы уместным введение различного рода проверок профилактического характера, главное целью которых стало бы выявление и опись устройств, позволяющих лицу, находящемуся под домашним арестом, использовать сеть «Интернет».

Безусловно, это не искоренит проблему контроля в целом, однако это может отчасти гарантировать соблюдение обвиняемым (подозреваемым) наложенных запретов.

Все описанные процедуры должны быть закреплены законодательно и получить четкую регламентацию. На наш взгляд, разумно было бы разделить изложенные проблемы и предложенные нами законодательные новеллы на две группы:

Первая группа проблем связана с применением аудиовизуальных и иных технических средств контроля, ее решение возможно посредством дополнения существующих подзаконных актов в данной сфере, для этого необходимо:

- закрепить порядок проведения профилактических проверок по месту жительства обвиняемого (подозреваемого), направленных на выявление устройств, с помощью которых может быть осуществлен доступ в сеть «Интернет», составление описи таких устройств;

- расширить функциональные возможности аудиовизуальных и технических средств контроля в части ограничения доступа обвиняемого (подозреваемого) к сети «Интернет»;

- предоставить лицам, проживающим совместно с обвиняемым (подозреваемым), право обжалования судебных решений в части применения соответствующих ограничений по использованию сети «Интернет»;

Выделяем вторую группу проблем, связанных с недостаточной урегулированностью нормами УПК РФ порядка применения домашнего ареста, для их преодоления необходимо:

- установление проверок по месту жительства обвиняемого (подозреваемого) в ночное время суток;

- дополнение 107 статьи УПК – «иными запретами и ограничениями» в целях индивидуализации данной меры пресечения;

- регламентация порядка материального обеспечения обвиняемого (подозреваемого) в отсутствие родственников при полной изоляции.

Спектр жизненных ситуаций достаточно многообразен, ввиду чего не представляется реализуемым детальное регулирование всех возможных исключений из общих правил на законодательном уровне – данная прерогатива должна принадлежать суду в каждом конкретном случае. Апелляционным постановлением Брянского областного суда № 22-1337/2018 от 5 сентября 2018 г. по делу № 22-1337/2018, обвиняемой была изменена мера пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест с возложением запрета на использование сети «Интернет», однако суд учел фактические обстоятельства дела и разрешил ей пользоваться информационно – коммуникационной сетью для осуществления контактов с лечебным учреждением, пациенткой которого являлась дочь обвиняемой, с целью получения консультаций относительно лечения ребенка [2]. Мы считаем, что данный пример наглядно демонстрирует возможность индивидуализации домашнего ареста и способствует более прилежному поведению обвиняемых (подозреваемых), а значит идея повышения эффективности домашнего ареста должна исходить не только от рук законодателя, но и приниматься во внимание правоприменителями – только тогда можно будет достичь максимально высоких показателей применения данной меры пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-5464/2018 22К-5464/2018 от 24 августа 2018 г. по делу № 22-5464/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Hcрjbdфpviju/> (дата обращения 07.03.2019).
2. Апелляционное постановление Брянского областного суда № 22-1337/2018 22К-1337/2018 3/2-369/2018 от 5 сентября 2018 г. по делу № 22-1337/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/sw0fMjYKvs5u/> (дата обращения 19.03.2019).

3. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015-2017 годы ФСИН России [Электронный ресурс] // ФСИН России: сайт. – URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 24.11.2018).
4. Климов В.В. Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России. Вестник Брянского государственного университета. 2011. С.45-49.
5. Куракина Г.Н. Проблемы реализации уголовно – процессуального законодательства при применении домашнего ареста. Судебная власть и уголовный процесс. 2016. С. 174 - 177.
6. Обобщение применения меры пресечения в виде домашнего ареста за 2017 год. Материал от 12.02.2019. Официальный сайт Тюменского областного суда. [Электронный ресурс] URL: http://oblsud.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=6 (дата обращения 13.03.2019).
7. Овчинников Ю.Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста [Текст] / Ю.Г. Овчинников // Российский следователь. - М.: Юрист. - 2014. - № 16. - С. 51-55.
8. Пилюшин И.П. Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве. Научный Вестник Омской академии МВД России. 2018.С.18 – 22.
9. Постановление Каменского городского суда (Алтайский край) № 5-44/2016 от 17 июня 2016 г. по делу № 5-44/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/E8CcqTAUUbriO/> (дата обращения 13.03.2019).
10. Решение Майкопского городского суда № 2-271/2016 2-271/2016(2-5281/2015;) от 12 января 2016 г. по делу № 2-271/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/OqNbOH7хаBN8/> (дата обращения 16.03.2019).
11. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях [Электронный ресурс] // ФСИН России: сайт. – URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (дата обращения: 24.11.2018)

ЗАДЕРЖАНИЕ ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Г. Д. Чепурко,
студентка ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
gloch@list.ru
Научный руководитель:
Е. А. Хабарова,
доцент кафедры уголовного права и
процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Анализ данных официальной статистики за период 2015-2017 гг., представленных Федеральной службой государственной статистики, показывает, что общее количество совершенных преступлений ежегодно снижается [13]. Однако, несмотря на это, ситуация, сложившаяся с преступностью в Российской Федерации, продолжает оставаться напряженной. В связи с этим вопросы, связанные с обеспечением эффективности предварительного расследования, все еще остаются актуальными. Способствовать этому призваны меры процессуального принуждения, одной из которых является задержание подозреваемого.

Особый интерес к данной мере связывается также с тем, что она затрагивает конституционное право на свободу и личную неприкосновенность и базирующийся на нем одноименный уголовно-процессуальный принцип.

Задержание подозреваемого в совершении преступления имеет множество сложных процессуальных аспектов. На практике при избрании данной меры принуждения нередко возникают случаи совершения различных ошибок и процессуальных нарушений при его проведении. Все это накладывает негативный отпечаток на репутацию органов предварительного следствия, причиняет моральный и иной ущерб оказавшимся в такой ситуации людям, то есть неизбежно подрывается доверие народа.